

Сынхён пошутил:

— Ми, радуйся, мне ещё пришлось снимать сцену, где я подглядываю за тем, как Ёнбэ-гён принимает душ.

Син Ми: Почему-то почувствовал себя немного утешенным.

Итак, они пересняли предыдущую сцену, где Ма Цзялинь приходит в общежитие Big Bang, говорит, что заменяет бабушку в качестве домработницы, и начинает излучать очарование. Все, кроме Сынхёна и Син Ми, изображают восхищение, а Син Ми, сидя рядом с Квон Джиёном, пристально смотрит на него.

— Хорошо, хорошо.

Наконец-то всё прошло, Син Ми вздохнул с облегчением.

Затем Сынхён начинает злиться, говоря, что нельзя так просто доверять незнакомцам, но братья его отчитывают. Когда Квон Джиён кричит на него, это выглядит настолько реалистично, что Сынхён замирает и забывает свои реплики.

Увидев, что Сынхён замер, все начинают заново. Квон Джиён с улыбкой говорит ему:

— Сынхён, это же съёмки, не пугайся.

Однако, помимо ошибки Сынхёна, Син Ми тоже не справился. Он должен был смотреть на Квон Джиёна и, когда тот кричал на Сынхёна, сказать:

— Да, ты неправ, слушайся Джиён-гён.

Но когда Сынхён замер, Син Ми перевёл взгляд на него. Когда Сынхён инстинктивно перевёл взгляд с Квон Джиёна на Син Ми, выражение лица последнего тоже изменилось.

Эта инстинктивная реакция создала неуклюжую атмосферу, и сотрудники на площадке начали гадать, есть ли между лидером и младшим братом скрытые конфликты, а Син Ми, очевидно, больше на стороне младшего брата.

Съёмки продолжались, и никто больше не упоминал о неуклюжей атмосфере.

Син Ми, кажется, тоже понял, что его реакция была неправильной, и кивнул Квон Джиёну с извинением. Тот улыбнулся, показывая, что не придал этому значения.

Изначально Квон Джиён чувствовал некоторое удовлетворение, наконец-то Син Ми был на его стороне, а не на стороне Сынхёна. Хотя это была всего лишь игра, ему хотелось услышать, как Син Ми поддерживает его.

Но в итоге получилось иначе. Син Ми инстинктивно встал на сторону Сынхёна. В тот момент, когда он, не скрывая, выплёснул своё обычное строгое отношение к Сынхёну, Син Ми напрягся, и в его взгляде появилась едва уловимая враждебность.

Да, враждебность. Поскольку Син Ми был рядом, он почувствовал, как в его взгляде появился этот оттенок, даже когда он говорил свои реплики Сынхёну.

Как будто любой, кто мог причинить вред Ли Сынхёну, автоматически становился объектом его отторжения. На самом деле, это было не впервые, когда Квон Джиён это замечал. До дебюта, когда он и Сынхён ещё не нашли общий язык, между ними возникали трения, и он часто был строг с Сынхёном. В такие моменты он чувствовал, что Син Ми его отталкивает. Это он понял позже.

Квон Джиён не отрицал, что немного завидовал влиянию Сынхёна на Син Ми. Поэтому он чувствовал раздражение и разочарование. Ведь он всегда был в центре внимания своих друзей, легко становясь лидером благодаря своему обаянию.

Но с Син Ми всё было иначе. Он всегда был на втором месте после Ли Сынхёна, что вызывало у Квон Джиёна раздражение и грусть.

Он ценил Син Ми. Хотя поначалу он не обращал на него внимания, но одна за другой ситуации показали ему, что этот парень действительно приятен. В нём была особая мягкость, которая делала его надёжным, когда это было нужно.

Сначала он хотел, чтобы Син Ми был ближе к нему. Как щенок, которого он когда-то завёл. Он очень любил его, и каждый день, возвращаясь домой, он брал его на руки и выгуливал. Когда щенок перестал бояться и начал ластиться к нему, он чувствовал бесконечную радость и удовлетворение.

Он не против был хорошо относиться к Син Ми, он хотел, чтобы тот был ближе к нему. Это было просто.

Но теперь он понял, что это чувство отличается от того, что он испытывал к щенку. Потому что щенок ластился не только к нему, но и к его родителям, и вилял хвостом перед его сестрой, и он не видел в этом ничего плохого.

Но ему не нравилось, когда Син Ми был ближе к другим, когда он ставил его на один уровень с другими братьями или даже ниже. Это вызывало у него сильное раздражение.

Квон Джиён любил быть уникальным. Как когда он выбирал вещи — они должны были быть не только красивыми, но и уникальными, чтобы у немногих они были. Это было его природой.

Он объяснял свою ревность к Син Ми тем, что это было чувство соперничества, вызванное

разницей в их отношениях.

Никто не заметил изменений в Квон Джиёне, включая Син Ми.

Когда снимали сцену, где Квон Джиён и Ма Цзялинь идут на свидание, а он следит за ними и устраивает скандал, Син Ми был в состоянии, когда у него мурашки бегали по коже.

— Джиён-гён, как ты мог пойти с ней сюда есть?

О, боже, я не могу это выносить... — Син Ми мысленно стонал.

Он должен был изобразить грусть и гнев, но на его лице было выражение, словно он съел муху. И реплики, и эмоции — всё это было слишком сложно для него!

Квон Джиён и Чон Хесан смеялись до слёз, особенно когда Син Ми каждый раз выпрыгивал из-под стола и указывал на них пальцем, произнося свои реплики с таким выражением лица, что все просто валялись от смеха.

В конце концов ему просто сказали сделать взгляд более жалобным, например, как будто Квон Джиён его отругал, и он выглядел обиженным, но не смел сказать.

Но когда Джиён-гён меня ругал, я всегда слушал и исправлялся, я не выглядел обиженным. — Син Ми проглотил эти слова и попытался вспомнить, в каких ситуациях он выглядел жалобным.

И тут он вспомнил.

Следующие съёмки прошли на ура, и Син Ми показал настоящий актёрский талант.

— Джиён-гён, как ты мог пойти с ней сюда есть? И так близко!

Послушайте, это звучало так убедительно и с оттенком обиды.

Все были поражены, как вдруг Син Ми всё понял.

— Chimu, о чём ты думал? — спросили его.

Син Ми, радуясь, что наконец-то всё прошло, замер, затем почесал голову и, видя, что Квон Джиён ждёт ответа, тихо сказал:

— Я просто вспомнил, как Джиён-гён запретил мне носить худи и спрятал все мои худи.

Так что он на самом деле хотел сказать: «Джиён-гён, как ты мог забрать мою любимую вещь? Куда ты спрятал мои худи?»

Все снова рассмеялись. Все поняли, что Син Ми всё ещё ребёнок.

Квон Джиён поднял бровь:

— Разве я не покупал тебе много красивых вещей? Эй?

Какой неблагодарный парень.

Син Ми смущённо ответил:

— Джиён-гён, я же просто для съёмок!

Так что, Джиён-гён, не сердись, ведь ты действительно спрятал мои худи! Что плохого в худи? Тэсон-гён же любит всё, что связано с Дораэмоном!

Син Ми действительно не мог смириться с тем, как Квон Джиён контролировал его стиль.

Что? Вы считаете его детским?

Эй, а вы смогли бы перейти с правой руки на левую после многих лет письма? Это то же самое. Привычки, которые формируются годами, как наркотик, и вдруг их нужно изменить — это не так просто, правда?

Поэтому, даже понимая, что Квон Джиён заботится о его имидже, Син Ми всё равно чувствовал лёгкую обиду. Но он просто воспользовался случаем, чтобы высказаться. Квон Джиён только посмеялся, ведь он действительно не понимал, почему этот парень любит одеваться так закрыто. Его и так маленькое лицо, а с капюшоном оно становилось ещё меньше. Худи — это одно, но они все были однотонными, без намёка на стиль.

— Ладно, в этом году на твой день рождения я подарю тебе несколько новых вещей, — Квон Джиён обнял Син Ми за плечи и потрепал его волосы.

Волосы, не зафиксированные гелем, были мягкими и приятными на ощупь. Квон Джиён улыбнулся во весь рот.

Чон Хесан и другие смотрели на них и думали, какие у них хорошие отношения.

<http://bllate.org/book/15544/1383073>